

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА Х.Д.У.

страница №

Воскресенье, 13-го Февраля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10217.

**

Тебъ молиться?! Нѣтъ, не стану.
Молиться, о, какой восторгъ!..
Но для чего бередить рану:
Земля не храмъ, а ты—не богъ;
Своимъ восторженнымъ моленемъ
Я воскрешу въ тебѣ всю ложь,
И, быть желая воплощеньемъ
Моей мечты,—ты мнѣ солжешь.
Сама раба—и дочь рабыни,
Ты божествомъ не можешь стать.
Къ чему же новыя святыни
Мнѣ создавать и разбивать?
Я обладать хочу тобою
Такой, какой ты создана,
Вакханкой, матерью, рабою,
Но богомъ быть ты не должна.

θ. М.



Поощечина.

I.

Когда Иванъ Федоровичъ Корюшкинъ вошелъ въ первый разъ въ контору тогороваго дома братьевъ Иргуновыхъ, всѣ служащіе сразу замѣтили, что онъ какъ-то странно смѣшался, даже немного поблѣднѣлъ.

Сначала Корюшкинъ застылъ около дверей и почти стыдливо оглядѣлъ комнату и ряды столовъ, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и снова остановился.

Выручилъ смутившагося Корюшкина самъ бухгалтеръ и главное лицо конторы Трофимъ Семеновичъ.

Онъ медленно двинулся навстрѣчу новому служащему, выпятивъ по привычкѣ впередъ свой громадный животъ и держа почти предъ собой лѣвую руку съ вѣчной папиросой между пожелтѣвшими пальцами.

Иванъ Федоровичъ, очевидно, зналъ, что приближается начальство, и, очевидно, хотѣлъ отвѣстить этому начальству самый почтительный поклонъ, но онъ былъ очень растерянъ, и вмѣсто поклона получилась какая-то нелѣпица.

Трофимъ Семеновичъ пренебрежительно улыбнулся, размѣренно и важно загудѣлъ своимъ баскомъ, загудѣлъ и отвелъ Корюшкина къ маленькому столику, находившемуся въ углу.

Ивану Федоровичу было лѣтъ тридцать, не больше, но ему можно было дать и вѣсъ сорокъ, потому что онъ горбился и былъ одѣтъ какъ-то по старчески.

Служащіе нѣсколько минутъ перешептывались другъ съ другомъ. Они какъ-то сразу почувствовали, что къ нимъ въ учрежденіе введенъ свой



Л. Н. Малиновскій,

главный врачебный инспекторъ, командированный въ Манчжурію для борьбы съ чумою.



Картина Н. Н. Бондырева на выставкѣ товарищества художниковъ.

«комическій элементъ». И, дѣйствительно, съ самого этого первого дня службы Ивана Федоровича опредѣлилось отношеніе къ нему товарищей. Одни были съ нимъ пренебрежительны, другие относились покровительственно, третьи просто посмѣшивались.

Иванъ Федоровичъ, повидимому, понималъ смыслъ перешептыванья, которое происходило вокругъ него, но по прежнему тихонько сидѣлъ у своего столика, низко склонилъ голову и усердно скрипѣлъ перомъ.

II.

Въ конторѣ Иргуновыхъ служила одна дѣвушка Маріанна Александровна; работала она на ремингтонѣ въ кабинетѣ Трофима Семеновича. Дѣвушкѣ уже было двадцать три года, но она оставалась веселой, рѣзвой и какою-то взбалмошной. Къ тому же она была довольно красива. Голубые глаза, маленькая губы и пышные зо-

лотистые волосы. Одѣвалась она довольно кокетливо, ходила бойко, пристукивая каблучками, и часто посмѣвалась.

Общий режимъ въ конторѣ былъ строгий и даже очень, но Маріанна Александровна почему-то очень многое разрѣшалось. Она нерѣдко опаздывала, добрый часъ тратила на завтракъ и на разговоры, часто и совсѣмъ не приходила. Говорили, что это слѣдуетъ объяснять особой симпатіей Трофима Семеновича. Впрочемъ, въ данный моментъ едва ли такія подозрѣнія имѣли реальная основанія.

Взбалмошная Маріанна Александровна уже по старой привычкѣ всегда обращала особое вниманіе на вновь поступающихъ служащихъ. Каждый новичекъ какъ бы заранѣе былъ осуждѣнъ принести дѣвушкѣ дань своего вниманія. Всѣ это хорошо знали, и всѣ ждали, что произойдетъ съ Иваномъ Федоровичемъ.

Конечно, онъ былъ чрезвычайно застѣнчивъ и не вызывалъ къ себѣ уваженія, но все-таки былъ красивъ и еще молодъ, а возможно, что дѣвушка, уже въ лѣтахъ, приглядывалась къ новичкамъ съ задней цѣлью.

Однажды, выходя со службы, Иванъ Федоровичъ услышалъ звонкій и задорный окликъ Маріанны Александровны.

— Подождите, Корюшкинъ, меня всѣ оставили.

Иванъ Федоровичъ подождалъ и безропотно проводилъ дѣвушку домой, куда-то очень далеко. Дорогой онъ страшно смущался, заговоривъ не кстати, темы выбиралъ самая скучные и какъ-то

сразу умолкалъ и краснѣлъ. Дѣвушкѣ, повидимому, все это даже доставляло какое-то особое удовольствіе. Она весело смеялась, откровенно ставила вступикъ Ивана Федоровича и намѣренно приводила его въ полное замѣшательство, крѣпко схватывая вдругъ своего кавалера подъ руку при переходѣ черезъ улицы.

Послѣ этого первого случая Маріанна Александровна начала особенно развязно вести себя съ Корюшкинымъ, всячески тормошила его, командала, заставляла чинить карандаши, приносить бумаги, приготовлять ей завтраки и т. д. Комичная радость и застѣнчивость Корюшкина, наконецъ, его покорность и несомнѣнное увлеченіе, вѣроятно, служили главной причиной того, что эта игра забавляла дѣвушку.

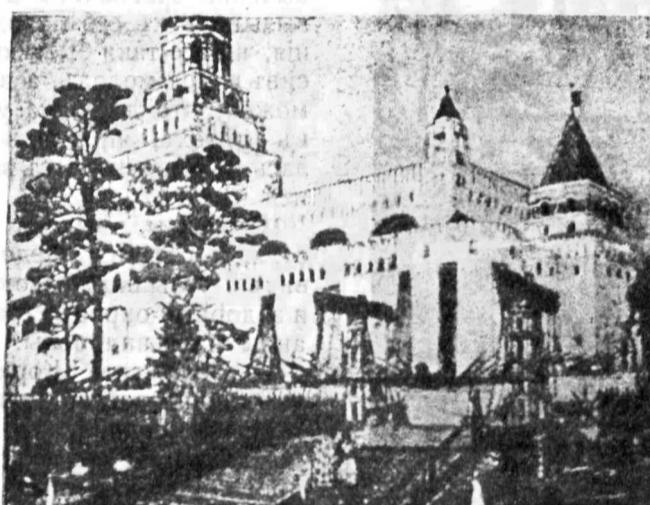
Теперь уже Корюшкинъ ежедневно провожалъ дѣвушку домой. Доставалъ ей билеты въ театръ, исполнялъ безконечные порученія, которыхъ нерѣдко отнимали у него все время, остающееся

НАЧАЛЬНИК



П. Г. Боголюбенский,

трагически погибший русский консул въ Исфагани.



Проектъ зданія военно-исторического музея

въ Петербургѣ.

ся послѣ службы. Но дѣлалъ онъ все это съ неожиданной радостью и часто по собственной инициативѣ. Въ душѣ его стало необычайно свѣтло.

Правда, Маріанна Александровна по прежнему казалась ему недосягаемой красавицей, и онъ, кажется, никогда не осмѣялся бы поговорить съ ней о своей любви, но все-таки гдѣ-то въ глубинѣ души тлѣла радостная надежда, росла вѣра въ счастье и хотѣлось мечтать.

— Можно и меня полюбить, думалъ иногда Корюшкинъ.—Плохого я никогда не сдѣлаю. Немножко ласки, и я молиться буду на нее. Пожалуй, и возможно это. Она въ лѣтахъ, остеопенистъ, а мѣсто у меня хорошее. Какъ бы мы зажили... Сердце у нея хорошее. Злой человѣкъ травитъ, а вотъ она меня запримѣтила. Сама запримѣтила. Оборвалось это счастье Ивана Федоровича сразу и совершенно неожиданно для него.



В. Д. Бутурлинъ,

отравленный Панченко и Де-Ласси.



М. О. Бутурлина.

вдова покойного В. Д. Бутурлина.



Каменная статуя,

найденная въ Евпаторийскомъ уѣздѣ.

было ясно, что и это только новая забава, что, въ дѣйствительности ей нѣть дѣла до провинностей Ивана Федоровича.

Корюшкинъ застыль на мѣстѣ.

— Съ вами говорятъ,—уже визгливо крикнула она. Иванъ Федоровичъ всталъ.

— Какъ милости прошу, Маріанна Александровна, не мучайте меня.

Это было сказано такъ тихо, такъ жалобно, что дѣвушка невольно разсмѣялась. Иванъ Федоровичъ же сѣль и опустилъ голову къ бумагамъ.

— Попробуйте поговорить съ нимъ, проговорила она среди смѣха и вдругъ развернула бумажечку, которую держала въ рукѣ, и высыпала изъ нея содергимое прямо на голову Корюшкина. Расхохоталась и направилась къ дверямъ. Въ бумажкѣ были остатки завтрака—корочки сыра, хлѣба, бумажки отъ конфектъ. Все это скользнуло съ головы Корюшкина на руки.

III.

Прошло недѣли двѣ. Иванъ Федоровичъ даже похудѣлъ, сталъ дѣлать ошибки и получалъ замѣчанія.

И вотъ однажды послѣ такого замѣчанія,—было это во время завтрака,—изъ кабинета Трофима Семеновича вышла Маріанна Александровна и подошла прямо къ столу Корюшкина. До этого дня она не обращала на него никакого вниманія, точно исчезъ онъ, а теперь вдругъ подошла, внимательно посмотрѣла и расхохоталась.

— Что съ вами, милостивый государь? или вы думаете, что у насъ (она выговаривала это съ особеннымъ удариемъ) будутъ держать инвалидовъ?

Она даже особенно надула губы и важно приподняла голову. Впрочемъ,

Это было ужъ слишкомъ. Даже нѣкоторые изъ служащихъ нахмурились.

Иванъ Федоровичъ вскочилъ, весь дрожа. Можетъ быть, именно отъ нея онъ и не могъ снести издѣвательства. Кто такъ шутитъ?

— Стыдно! крикнулъ онъ. Стыдно! Но Маріанна Александровна даже не повернулась и вышла.

Однако, тотчасъ вошелъ бухгалтеръ. — Кто здѣсь кричитъ?—спросилъ онъ.

Корюшкинъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Я кричу,—сказалъ онъ.

Трофимъ Семеновичъ даже смущился отъ такой прямоты.

— Вы! Какъ же вы смѣете здѣсь кричать?

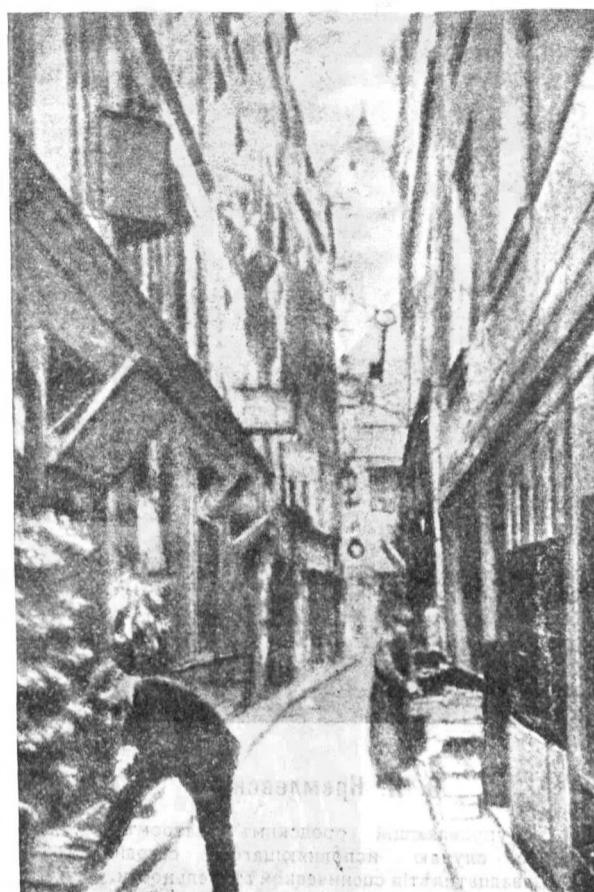
Иванъ Федоровичъ съ минуту колебался, губы не повиновались ему, на конецъ, онъ крикнулъ:

— Вы подлецъ! Развратникъ и подлецъ! Не вамъ говорить со мной.

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, и въ тотъ моментъ Корюшкинъ размахнулся и ударилъ бухгалтера по лицу. Золотыя очки слетѣли вдругъ на полъ, сѣрое лицо стало багровымъ. Трофимъ Семеновичъ покачнулся, закричалъ что то неразборчивое, поднялась необычная суматоха. Маріанна Александровна визжала у дверей и боялась шагнуть впередъ, точно не Корюшкинъ былъ здѣсь, а какой-то звѣрь. Впрочемъ, его, дѣйствительно, нельзя было узнать. Его глаза сверкали, самъ онъ точно выросъ.

— Подлецъ, повторилъ онъ и вышелъ изъ комнаты при полномъ замѣшательствѣ.

Иванъ Федоровичъшелъ домой необычно твердымъ шагомъ. Даже сейчасъ онъ уже понималъ, какая нищета ждетъ ихъ, какое отчаяніе охватить Евгению Петровну, но, несмотря на



Старый Парижъ.

Одинъ изъ уголковъ „столицы міра“, неизвѣстный иностранцамъ.

Въ настоящее время старые кварталы Парижа обречены на уничтоженіе и доживаютъ свои послѣдніе дни. Рисунокъ изображаетъ улицу Brise-Miche („разламывать хлѣбъ“), проложенную въ XV вѣкѣ. Своимъ названіемъ улица обязана старинной монастырской булочной, где отпускали хлѣбъ лицамъ духовного сословія. На стѣнахъ, покрытыхъ трещинами, где прятутся ящерицы, мѣстами видны кольца для цѣпей, протягивавшихся въ старину поперекъ улицы на ночь для „общественной безопасности“. Внутренность этихъ домовъ еще мрачнѣе. Здѣсь пріютилась самая ужасная бѣднота рядомъ съ самыми отвратительными порокомъ.

* * *

Ты помнишь, да, помнишь, конечно,
Вотъ тамъ, на скамьѣ, возлѣ розъ,
Сидѣли мы разъ и **безпечно**
Рѣшили о жизни вопросъ.
Садъ былъ ароматенъ и чутокъ,
Звучала уныло свирѣль,
И крикъ проносившихся утокъ
Смѣнялъ на лугу коростель.
Встрѣчая вступленіе ночи,
Въ кустахъ рокоталъ соловей...
И, нѣжно глядя въ твои очи,
Прильнулъ я къ головкѣ твоей.
Я клялся любить тебя вѣчно...
Забыть былъ о жизни вопросъ.
Что было — ты помнишь, конечно,
Вотъ тамъ, на скамьѣ, возлѣ розъ.

Ф. М.

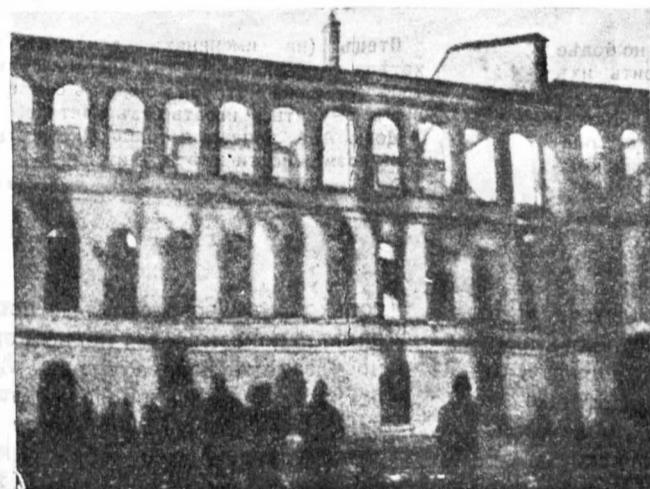


Американское кролиководство.

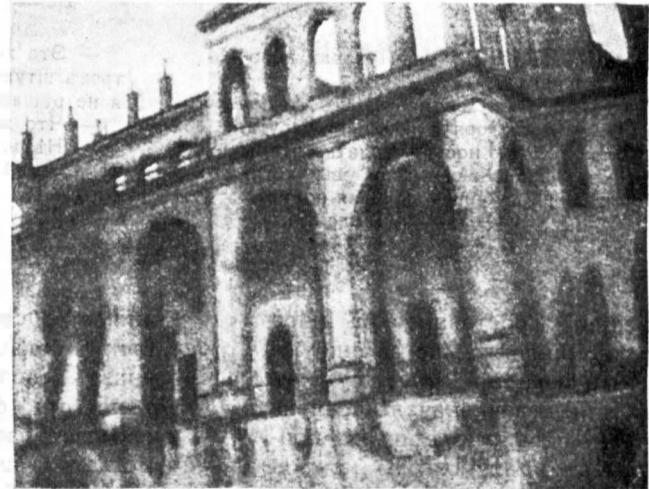
Въ послѣднее время, въ виду все увеличивающейся дороговизны мяса, стали интересоваться и разведеніемъ кроликовъ, мясо которыхъ довольно вкусно и въ то же время значительно дешевле бычачьяго.

Американскіе кролиководы находятъ, что лучшее мѣсто для разведенія кроликовъ — это участокъ земли, отведенный въ саду или въ полѣ, защищенный стѣной или водою, где кролики, въ силу ихъ природнаго стремленія, могутъ рыть землю. Выведенные на такихъ участкахъ, кролики гораздо крупнѣе, чѣмъ въ специальныхъ конюшняхъ; если же почему-либо такого участка нельзя отвести, то можно для этого приспособить како-нибудь сараи, лишь бы онъ былъ сухъ и съ хорошимъ притокомъ воздуха. Въ плохомъ и сырьемъ помѣщеніи шерсть у кроликовъ будетъ грубѣе и меньше. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ необходимо какъ можно чаще и во всякомъ случаѣ не ме-

ПОЖАРЪ БЛИСТАТЕЛЬНОЙ ПОРТЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.



Помѣщеніе Государственного Совѣта.



Помѣщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

все это, въ душѣ его было какое-то дикое ликованіе, гордая безмѣрная радость, почти восторгъ, котораго никогда въ жизни еще не чувствовалъ.

Хотѣлось кричать обѣ этой радости, упиваться ею еще и еще.

— Матушка, почти зашепталъ онъ, — да вы только поймите, поймите! Вѣдь, это я изъ васъ ударилъ, за ваши

красные глаза, измученную спину. Не за себя только, матушка...

Шепталъ и не замѣчалъ, что по лицу его часто текутъ слезы.

А. Станкевичъ.

нѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ устилать полъ свѣжей соломой и вообще держать въ чистотѣ, такъ какъ при несоблюденіи этого кролики заболѣваютъ воспаленіемъ глазъ. Для выполненія материнскихъ обязанностей нужно въ помѣщеніи установить нѣсколько ящиковъ длин. 15 дюймовъ, шир. 10 дюймовъ и высоты 10 дюймовъ, но безъ сплошной крышки, а

по длине заколотить двѣ узенькия планки шириной два дюйма, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы самка могла выходить изъ ящика. Что касается кормленія, то кролики на ъду не прихотливы и довольствуются отбросами зелени, сорной травой, варенымъ картофелемъ, капустной листвой и т. п., и только осенью, предъ наступленіемъ зимы, если даютъ мокрую пищу, то слѣдуетъ къ этому примѣщивать зерна пшеницы. Время отъ времени съ гигієнической точки зрѣнія слѣдуетъ кроликамъ давать каштановые, липовые листья, измельченные плоды дикаго каштана, ягоды можжевельника, при сухой и теплой погодѣ нужно дважды мѣнять воду, и вообще чѣмъ чаще свѣжая вода, тѣмъ лучше. Каждый кролиководъ для полнаго успѣха кролиководства долженъ изучить характеръ своихъ животныхъ, ибо они, хотя любятъ жить сообществомъ, парочками, но чрезвычайно легко скорятся и тогда дѣлаются настолько злыми, что за грызаютъ другъ друга или же дѣтенышей. Плодовитость кроликовъ феноменальна: рождаются четыре раза въ годъ и всякий разъ по 4—5—6 шт.; восьмимѣсячные считаются уже взрослыми и пригодными для увеличенія потомства. Молодые должны кормиться матерью не ме-



В. И. Кремлевский

(управляющій городскимъ театромъ).
По случаю исполняющагося сегодня двадцатилѣтія сценической дѣятельности.



— Стойте, попались! Вы у меня украли носовой платокъ изъ кармана.

— Извините — я вамъ объясню. Съ этимъ поѣздомъ уѣзжаетъ моя горячо любимая супруга, У меня не былоѣсть собою носового платка, чтобы помахать ей на прощанье. Если вы когда нибудь дѣйствительно любили — вы меня поймете.

(„Fleg. Bl.“)

нѣше шести недѣль. Собственно на мясо кроликовъ откармливаютъ, когда они уже постарѣютъ, для чего ихъ запираютъ въ большой ящикъ, давая вначалѣ зелень и разныя травы, отварную рѣпу съ придачей соли, а къ концу — ягоды можжевельника. Отъ такого корма кролики бываютъ жирными, а мясо ихъ очень вкуснымъ; для питья лучше всего давать чистую воду или пиво, смѣшанное на половину съ водой; при теплой погодѣ можно давать и хлѣба, а къ водѣ добавлять немного уксуса. При пріобрѣтеніи кроликовъ изъ разныхъ мѣстъ или, иначе говоря, чужихъ другъ другу, ихъ слѣдуетъ запирать парочками, чтобы привыкли.

— Это хорошия сигары, но болѣе трехъ штука въ день курить ихъ я не рѣшаюсь.

— Что же онѣ слишкомъ крѣпки?

— Нѣтъ, но тогда будеѣть слишкомъ замѣтна убыль хозяйственныхъ сигаръ.

(„Fleg. Bl.“)

Количество самокъ должно быть разъ въ 6 или 8 больше самцовъ; съ восьмимѣсячного возраста самцовъ держать отдельно отъ самокъ. Тѣхъ, которые не нужны для разведенія дальнѣйшаго потомства, лучше всего охолостить, отъ этого они будутъ крупнѣе и скорѣе выкармливаются и, кромѣ того, въ виду спроса на шерсть, у такихъ она обыкновенно бываетъ длинная и тонкая. У кроликовъ вообще на всемъ тѣлѣ шерсть одинакового качества, но лучшей считается у ангорскихъ кроликовъ по своему блеску. Кроличья шерсть находитъ примѣненіе, какъ и хлопчатобумажная, изъ нея вырабатываютъ

разныя туалетныя принадлежности, отличающіяся своими блескомъ, мягкостью, легкостью; шерсть отлично поддается окраскѣ. Добываніе шерсти таково: въ лѣтнее время каждая двѣ недѣли, а зимою каждый мѣсяцъ, вычесываютъ кроликовъ гребешками, при чемъ зрѣлые волосы остаются на гребешкахъ; начать чесать слѣдуетъ не раньше, чѣмъ кроликамъ исполнилось 7—8 недѣль отъ рожденія. Шкурки также находятъ большое примѣненіе, а навозъ отъ кроликовъ считается хорошимъ удобрениемъ для садовъ. Породы кроликовъ, болѣе или менѣе интересныя, слѣдующія: 1) Кролики Ангорскіе, отличаются длинной шерстью и бѣлизнѣ, вѣсомъ до 11 ф. 2) Бельгійскіе великаны ростутъ быстро, даютъ отличное мясо, цвѣтъ шерсти сѣрий, вѣсомъ до 22 ф. 3) Black and Tan — англійскаго происхожденія, имѣютъ значеніе только какъ спортивные. 4) Серебристые кролики, — одна изъ самыхъ старыхъ породъ, являются родоначальниками кроликовъ, скороспѣлые, вѣсомъ до 8 фунтовъ, разница между убойнымъ и живымъ вѣсомъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ (у Бельгійскихъ великановъ $\frac{1}{2}$), шкурки въ сильномъ спросѣ и идутъ въ продажу подъ разными названіями. Серебристые при рожденіи бываютъ совершенно черными и мѣняютъ свой цвѣтъ



Отецъ (на именинахъ дочери). Ты всегда хотѣла учиться играть на цитре. Вотъ я дарю тебѣ цитру, на которой можно въ самое короткое время выучиться играть безъ учителя.

Дочь. Ахъ, папа, а я то большие всего радовалась возможности имѣть учителя.

(„Fleg. Bl.“).

только съ возрастомъ; послѣ шести недѣль показывается первый признакъ на носу затѣмъ голова и грудь дѣлаются серебристыми, и это продолжается по крайней мѣрѣ съ $\frac{1}{2}$ года, когда они становятся совершенно серебристыми. 5) Вѣнскіе великаны очень хороши для мяса, вѣсомъ 10—17 фунтовъ, шкурки цвѣта отъ свѣтло-синяго до темно-синяго, въ большомъ спросѣ.

Х. Клейнъ.

